

MAKSHIM

10 лет назад я впервые набрала номер Марины Максимовой. «Здравствуйте. Певица Максим? Наш журнал предлагает вам небольшое интервью». Марина легко согласилась. Готовясь к беседе с юной и почти никому тогда не известной Максим, я сомневалась: – что интересного может рассказать молоденькая девушка, только начинающая свою карьеру? С первых же слов стало ясно – интервью получится. Марина оказалась находкой для журналиста, беседуя с ней, я не переставала удивляться, насколько яркий, образный и острый у нее язык. С тех пор совместно с Мариной мы написали еще десятки интервью, я была свидетелем ее взлетов, радостей, проблем и огорчений. Даже став одной из самых востребованных артисток страны, она общалась с журналистами легко и честно, не «звездила» – в отличие от большинства наших певцов, которых начинает «заносить», едва увидит свет их первый сингл. Поэтому, когда Марина попросила меня помочь ей написать эту книгу, я, не раздумывая, согласилась. Когда мы только приступили к работе, Марина шутила: «Может быть, ты сама за меня все напишешь? Ты же знаешь обо мне все лучше меня самой». Но после первого же интервью стало понятно, что историй ее жизни хватит на десяток полноценных книг. Мне непременно хотелось, чтобы каждой истории нашлось место в нашей книге, чтобы, прочитав их все, читатель увидел в певице Максим не просто звезду с экрана телевизора, а живого человека. Марина – удивительная. Она сильная, смелая и решительная, но вместе с тем женственная и тонко чувствующая. Я только теперь, поработав над этой книгой, узнала ее по-настоящему. И очень хочу, чтобы и вы, дорогой читатель, увидели ее такой.

Мария АДАМЧУК



МАКСИМ



Это же я...



Москва
2017

УДК 784.6.071.2(470)

ББК 85.318

M17

Литературный редактор Мария Адамчук
Художественное оформление Натальи Никоновой
Фотографии на обложке Золотовской Оксаны
Во внутреннем оформлении использованы фотографии
из личного архива автора, а также Натальи Ванюшкиной,
Дениса Близнюка, Екатерины Сподаренко, Яны Богушевской,
Дениса Шабанова, Оксаны Золотовской, а также :
© Анна Салынская, Юрий Самолыго / Фото ИТАР-ТАСС;
© Александр Жданов / Коммерсантъ

Максимова, Марина.

M17 Это же я... / МакСим. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (МакСим. Книги известной певицы).

ISBN 978-5-699-92921-4

Девушка с мужским именем Максим появилась на нашей эстраде 10 лет назад, и с тех пор на каждом ее концерте полный аншлаг, ее песни становятся хитами, а в ее коллекции – все возможные российские музыкальные награды, но сама Максим до сих пор остается для многих загадкой. Представляем вашему вниманию первый откровенный рассказ певицы о своем детстве, пути к успеху, любви и расставании, семье и друзьях, работе и отдыхе. Откровенно и с юмором она повествует о самых сложных периодах своей жизни, о самых безбашенных поступках, самых ярких днях и самых темных ночах. А особо внимательный читатель найдет в книге несколько бесценных советов на все случаи жизни: например, как приручить уличную крысу, как сбежать из дома, просочившись сквозь оконную решетку, как покорить Москву, имея в активе только аудиокассеты и банку с вареньем, а также как водить машину, не зная, где у нее находится тормоз.

УДК 784.6.071.2(470)

ББК 85.318

© Максимова М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-92921-4



Глава I



Целый мир самой маленькой странницы

«Принимайте, мамаша, девочка у вас! Хорошенькая, маленькая, прямо куклка!» — акушерка ласково улыбалась, держа в руках крошечный сверток. Там сопела будущая певица Максим, полметра ростом и весом три килограмма. «Очень славная девочка.

— Не быть ей пианисткой», — сказала вдруг акушерка. «С чего вы взяли?» — удивилась мама. Вместо ответа акушерка развернула байковое одеялко, вытаски-

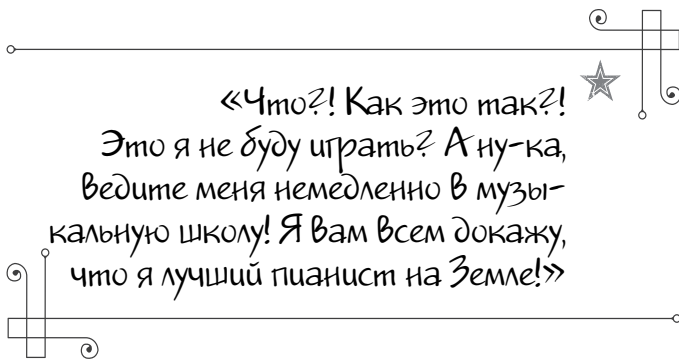
Там сопела будущая певица
Максим, полметра ростом
и весом три килограмма.



вая на свет крохотную ручку. На ней было... шесть пальцев. Там, где природой задуман большой, у новорожденной Марины их оказалось целых два.

Так (или примерно так, подробностей, разумеется, не помню) началась моя жизнь. О судьбоносном разговоре мамы и акушерки напоминает шрам на правой руке — лишний палец ликвидировали, когда мне было шесть месяцев. Тайну этого шрама вся семья хранила пять лет, старательно избегая разговоров о моей врожденной аномалии. Я была девочкой общительной, могла расценить шестой палец как дополнительный козырь и рассказать эту историю всему двору. А дети — народ безжалостный, мама боялась, что меня могут поднять на смех. Интернета тогда еще не было, и никто не знал, что это чудо не такое уж редкое, и с такими же аномалиями родились многие, среди них Мэрилин Монро, Опра Уинфри и Халле Бэрри. Неплохая, кстати, компания. В общем, до пяти лет я росла в неведении, но тайное всегда становится явным, и одна сердобольная родственница все-таки рассказала мне о том, что я — необычный человек. И диалог в роддоме между мамой и акушеркой пересказала

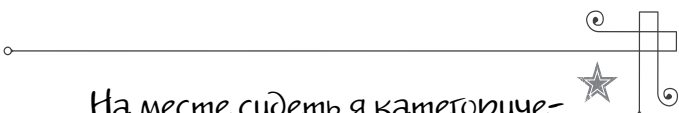
во всех подробностях. «Ну да, не будешь ты на пианино играть, что уж тут такого?» Услышав эту фразу, я немедленно взвилась под потолок от негодования: «Что?! Как это так?! Это я не буду играть? А ну-ка, ведите меня немедленно в музыкальную школу! Я вам всем докажу, что я лучший пианист на Земле!» Этого негодования хватило на все семь лет обучения в школе, хотя я не могу сказать, что очень любила туда ходить. А потом, уже через много лет, вспоминая историю с лишним пальцем, я вдруг четко увидела всплывшую откуда-то из глубин памяти картинку — как я лежу в детской кроватке,




разглядываю свои ручки, и маленький дополнительный палец смешно шевелится вместе с остальными. Иногда я даже думаю: «А может, и зря его убрали? Вдруг я стала бы гениальным

пианистом — с такими-то дополнительными возможностями!»

Мое счастье, что на детях раны и ссадины заживают практически бесследно. Иначе неугомонная Марина была бы вся покрыта шрамами с ног до головы, как пират. На месте сидеть я категорически не могла и гордо несла по жизни звание «человек-авария». Мама сетовала на то,



На месте сидеть я категорически не могла и гордо несла по жизни звание «человек-авария».



что инстинкт самосохранения во мне просто не заложен. Особенно это было заметно по сравнению с моим старшим братом Максимом, на которого не могли нарадоваться все взрослые в округе. «Ой, ну какой же замечательный мальчик! Послушный! Усидчивый! Прилежный!» — восхищались родственники, глядя Максима по голове. А в это время на заднем плане Марина свешивалась с оче-

редной березы на высоте трехэтажного дома. До сих пор не могу без смеха смотреть на одну старую фотографию. Дело происходило во время татарского праздника Сабантуй (в Казани, где я жила, он всегда отмечался громко, весело, с конкурсами и соревнованиями). И вот на этом снимке вся моя семья стоит под каким-то канатом, уходящим в небо, и смотрит вверх, где болтаюсь крошечная трехлетняя я. Говорят, что я рванула на канат и вскарабкалась по нему ввысь с такой скоростью, что никто из родных не успел среагировать и перехватить меня. И вот я там качаюсь наверху, а они стоят внизу и раздумывают, как им теперь меня поймать, когда я буду падать. В этом была вся я. Когда я бежала по дороге, обязательно спотыкалась и падала, да так, что кто-нибудь рядом принимался голосить: «Ой, господи, ребенок убился!» А я вставала, отряхивалась, с любопытством смотрела на кровь, бегущую из разбитой коленки, и бежала дальше.

Увы, не все падения заканчивались безобидно. Шрам, который я заработала в три года, до сих пор украшает мой лоб и стал уже своего рода визитной карточкой. Хотелось бы рас-

сказать вам героическую историю о том, как я заработала его, спасая мир, но, увы, все было гораздо более прозаично. Я скакала на коне. На игрушечном, разумеется. А чтобы было удобнее скакать, водрузила коня на кровать. Рядом сидел мой старший брат и изо всех сил делал вид, что следит за мной в оба глаза, как и было поручено. На самом деле он увлеченно смотрел «Спокойной ночи, малыши», но об этом знать никому не полагалось. А я скакала. Ну и доскакалась — упала и с кровати и одновременно с коня. Лбом прямо об угол стола. Он у нас был роскошный — мамин папа делал его сам, как и всю мебель в нашей квартире. Резной, тяжелый, с острым краем. На край я и насадилась лбом со всего размаху. Очнулась на полу. Мама, прибежав в комнату и увидев, как из моей головы хлещет кровь, опустилась на стул и потеряла дар речи. Брат заголосил от ужаса. А у меня были только такие мысли: «Где бы немедленно раздобыть зеркало и глянуть на себя? Ну интересно же, что у меня там такое и чего они так испугались». Зеркало мне в результате дали, и я была впечатлена: «Вау, прямо как в фильме ужасов, столько кровищи!» Мама в это время уже бежала к соседям, умо-

ляя помочь. И сосед, прямо как был в носках, помчался на улицу по сугробам к ближайшему таксофону вызывать «Скорую» — домашний телефон тогда считался роскошью. В общем, доставили меня в больницу, рану наспех зашили, и память об этом событии теперь со мной на всю жизнь.

Мои мама и папа с детства жили в одном дворе и с первого класса сидели за одной партой. Их семьи были примерно одного достатка, точнее, я бы сказала, «недостатка», как и большинство семей того времени. Окончив школу, папа ушел в армию, мама, как и положено, его ждала и писала письма, а как только он вернулся — они сразу поженились. Через год на свет появился мой старший брат Максим, а спустя три года — я. Папа ремонтировал машины, это была его страсть и заработок. Днями напролет он проводил в гаражах, а вечерами с приятелями разгуливал по дворам и пел песни. Такой был развеселый парень, душа компании, красавец — голубоглазый длинноволосый кудрявый блондин, всегда с гитарой, всегда в окружении плотного кольца поклонниц и закадычных приятелей. Даже на фотографиях того времени отчетливо видно, каким

магнетизмом он обладал, каким был обаятельным и как к нему тянулись люди. Мама терпеливо ждала его. Типичная картина тех лет: мама сидит дома, у раскрытого окна на первом этаже, держит на руках, слегка покачивая, маленькую меня, а рядом у ее ног возится Максим, перебирая кубики на полу. Мимо окна проходят бабушки и ласково, но ехидно глядя ей в глаза, говорят, по-деревенски коверкая слова: «Ну что? Ты все качаШь? А твой-то в соседнем дворе «Мурку» играТ». Мама грустно улыбалась в ответ. А что ей еще оставалось? Запереть папу дома она не могла, бросить все и уйти — тоже, другой любви у нее не было с первого класса. Оставалось одно — терпеливо ждать. Иногда папа все-таки находил время для того, чтобы поиграть с нами. И это было незабываемо, каждый раз — праздник. Перед глазами до сих пор картинка, как мы с Максом цепляемся за его ноги — я за одну, он за другую — и папа расхаживает по всей квартире с двумя такими «гирьками» на ногах.

В тот день, когда мне исполнилось семь лет, папу вдруг будто подменили. Я помню, как он подошел ко мне, сел рядом на корточки и очень серьезно сказал, что принял важное ре-

шение — отныне он будет приходить домой исключительно вовремя и уделять нам с братом все время, которое у него есть. После этих слов папа вручил мне большую куклу. Подарку я удивилась и обрадовалась — до этого момента он меня нечасто баловал, но на слова особого внимания не обратила. Ну да, думаю, ладно, посмотрим. Но с того дня жизнь нашей семьи действительно коренным образом изменилась. Папа слово держал железно. Он порвал со своей прошлой разгульной жизнью в одну секунду. Наверное, посмотрелся на то, как друзья один за одним теряют все, что у них было: работу, семьи, детей, любовь, счастье, будущее, а кое-кто — даже собственную жизнь. Папа стоял на распутье, ему надо было решить: он идет за своими друзьями и теряет

Папа стоял на распутье,
ему надо было решить: он идет
за своими друзьями и теряет все
или остается с нами.
Он выбрал семью.

все или остается с нами. Он выбрал семью. Это был по-настоящему знаменательный день. Чтобы как-то запечатлеть его в веках, отец объявил: «Мы идем в фотосалон». Я со всех ног кинулась прихорашиваться. Критически оглядела себя в зеркале и поняла — так дело не пойдет. Челка моя не выдерживает никакой критики! «Дай-ка я ее подровняю!» — сказала я сама себе, взяла ножницы и решительно отстригла лишнее. Ну и сами понимаете, что после этой манипуляции я мгновенно стала такой «красоткой» — не передать словами! До сих пор у нас есть эта фотография, где мы всей семьей усталились в объектив, но просто так я на нее смотреть не могу: косая и кривая челка вызывает приступы гомерического хохота.

Первое время папе приходилось нелегко — в один день он потерял весь свой круг общения, весь прежний смысл существования. Но он очень любил маму и нас и не поддавался ни на какие искушения, ни на какие уговоры бывших приятелей — мол, образумься, вернись к нам. Папа был кремень. Сказал — как отрезал. Он вообще человек железный. Меня в свое время поразило, как резко он бросил

курить. В сорок пять лет сказал сам себе: «Все!» И с тех пор с сигаретой я его не видела.

Мама работала воспитательницей в детском саду, и я росла, как сын полка, бегая из группы в группу, все время в гуще детсадовских событий. Я принимала участие решительно во всех мероприятиях, присутствовала на всех репетициях утренников. Меня можно было легко ввести в любой спектакль, и, если вдруг обнаруживалось, что сегодня выступление, а Вася или Маша заболели, воспитатели знали, что делать. Текст я знала всегда назубок, и мне было решительно все равно, кого играть: Буратино или Папу Карло, Машеньку или Медведя. Я была не из тех маленьких актрис, которые непременно хотели играть снежинок или принцесс. Мне было до лампочки: хлопушкой быть, петрушкой или Карлсоном. Юбки я вообще старалась не носить, неудобная это была одежда, непонятная — ни побегать, ни попрыгать. В общем, в саду мне было отлично.

Кроме папы и мамы с нами еще жила бабушка. А вообще семья была не просто большая — огромная. Только у папы насчитывалось десять братьев и сестер, а поскольку он был младшим, то ко времени моего появления